

Ю. В. Андреев

К ПРОБЛЕМЕ ПОСЛЕМИКЕНСКОГО РЕГРЕССА

Своеобразие классической греческой цивилизации, резко выделяющее ее на общем фоне как более ранних, так и синхронных с ней цивилизаций древнего мира, в значительной мере было обусловлено специфическими формами ее генезиса. С каждым новым этапом научного исследования истоков так называемого «греческого чуда» становится все более очевидной чрезвычайная сложность и внутренняя противоречивость этого процесса. Почти тысячелетний путь греческого общества от варварства к цивилизации был в полном смысле этого слова «путем проб и ошибок». Было бы неоправданным упрощением реальной диалектики исторического развития пытаться представить этот путь в виде одной непрерывной линии постепенно восходящего эволюционного движения. Теперь мы знаем, что на этом пути были и страшные катастрофы, и затяжные депрессии. Периоды упадка и регресса чередовались с периодами нового экономического и культурного подъема.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что цивилизация, а вместе с ней также классовое общество и государство зарождались на греческой почве, но крайней мере, дважды¹, с большим разрывом во времени: сначала в первой половине II тыс. до н. э. и вторично в первой половине следующего, I тыс. до н. э. В соответствии с этим кардинальным фактом всю историю древней Греции в настоящее время принято делить на две большие эпохи: 1) эпоху микенской или крито-микенской дворцовой цивилизации и 2) эпоху античной полисной цивилизации.

¹ По всей видимости, в своей начальной стадии этот процесс был насильственно прерван еще в конце III тыс. до н. э. с переходом от раннеэлладского к среднеэлладскому периоду и в дальнейшем возобновился после длительной паузы только в XVII — XVI вв. до н. э. См. Vermeule E. *Greece in the Bronze Age*. Chicago, 1964, p. 72 ff.; Dickinson O. T. P. K. *The Origins of Mycenaean Civilization*. Göteborg, 1977, p. 32 ff. В советской историографии начиная с 40-х годов проводится достаточно четкое разграничение между «раннеклассовыми» или «примитивно-рабовладельческими» обществами эгейского мира и сменившим их бесклассовым «гомеровским обществом». Начало этому разграничению было положено известной дискуссией об историческом характере эгейской культуры (см. Шепунова Т. М. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре. — ВДИ, 1940, № 2), в ходе которой большинство участников высказалось против отстаиваемых Б. Л. Богаевским взглядов на крито-микенское общество как общество по своей природе первобытно-коммунистическое. Отсюда с неизбежностью следовало, что на рубеже II—I тыс. до н. э. Греция снова вернулась на стадию первобытнообщинного строя. Попытки объяснения этого исторического парадокса можно найти в работах ряда советских и зарубежных историков-марксистов. См. Лурье С. Я. *История Греции*. Ч. I. Л., 1940, с. 49 сл., 65; Ленцман Я. А. *Греция XI—IX вв. до н. э.* — *Всемирная история*. Т. I. М., 1955, с. 640; он же. *Рабство в микенской и гомеровской Греции*. М., 1963, с. 282; Колобова К. М. *Греция XI—IX вв. до н. э.* Л., 1956, с. 10; Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции. — ВДИ, 1961, № 1, с. 37 сл. Ср. Блаватская Т. В. *Греческое общество II тыс. до н. э. и его культура*. М., 1976, с. 49 сл.

Первая из этих двух цивилизаций сошла с исторической сцены при загадочных, до конца еще так и не проясненных обстоятельствах примерно в конце XII в. до н. э. Первые признаки зарождения новой античной цивилизации начали появляться лишь где-то около середины VIII столетия.

Таким образом, между двумя основными фазами греческой истории остается весьма значительный временной «зазор» продолжительностью около трех с половиной или даже четырех столетий. Перед нами неизбежно встает вопрос: какое место занимает этот хронологический отрезок (в литературе за ним закрепилось сейчас условное наименование «темные века») ² в общем процессе исторического развития греческого общества? Был он своеобразным мостом, соединившим две весьма несхожие между собой исторические эпохи и цивилизации, или же, наоборот, разделившей их глубочайшей пропастью? Уже а priori следует заметить, что подчеркнуто альтернативная форма этого вопроса не исключает возможности его компромиссного решения, т. е. примирения двух заключенных в нем и, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга точек зрения на существо проблемы. Иными словами, вполне допустимо предположение, что в каких-то отношениях и на каких-то уровнях «темные века» были периодом остановки или даже разрыва в историческом развитии греческого общества, тогда как в других отношениях и на других уровнях это развитие все же продолжалось. Тенденция к такого рода компромиссу в решении проблемы континуитета отчетливо наметилась в последнее время в работах ряда как отечественных, так и зарубежных авторов, и это дает основание надеяться на то, что в недалеком будущем удастся выработать более или менее приемлемую для большинства исследователей концепцию, которая позволит теоретически организовать и упорядочить уже накопленный наукой весьма значительный фактический материал и связанные с ним наблюдения и догадки.

Археологические исследования последних лет (среди них на первое место следует поставить фундаментальные труды Десборо, Снодграсса, Шахермайра и Боузека ³) позволили выяснить подлинные масштабы страшной катастрофы, пережитой микенской цивилизацией на рубеже XIII—XII вв. до н. э., а также проследить основные этапы ее упадка в последующий период. Правда, о причинах, вызвавших массовое разрушение микенских поселений в конце ПЭ III В периода, пока еще трудно сказать что-либо определенное. Из множества существующих в настоящее время догадок и предположений наиболее убедительное объяснение драматического финала микенской эпохи дает гипотеза «варварского вторже-

² Хронологические рамки «темных веков» пока еще не определены с достаточной точностью. В зависимости от взглядов и исторических концепций того или иного автора их датировка может колебаться в диапазоне от двух до четырех с лишним столетий. Так, по Старру (*Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilization. 1100—650 B. C. N. Y., 1961, p. 78*), этот период охватывает весь промежуток времени между 1150 и 750 гг. до н. э.: по Десборо (*Desborough R. N. d'A. The Greek Dark Ages. L., 1972, p. 11*), — 1125—900 гг.; по Снодграссу (*Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971, p. 2*), — XI—VIII вв.; по Шахермайру (*Schachermeyr Fr. Die ägäische Frühzeit. B. 4. Griechenland im Zeitalter der Wanderungen, Wien, 1980, S. 17*), — XII—X вв.; по Керку (*Kirk G. S. The Homeric Poems as History. — CАН, v. II, p. 2. Cambr., 1978, p. 821*), — только 1125—1050 гг. В настоящей статье мы придерживаемся максимальных датировок, предложенных Старром и Снодграссом, с той оговоркой, что VIII столетие, занимающее промежуточное положение на стыке «темных веков» и архаической эпохи, может быть с равным основанием отнесено как к тому, так и другому периоду.

³ *Desborough. Op. cit.; idem. The Last Mycenaeans and Their Successors. Oxf., 1964; Snodgrass. Op. cit.; Schachermeyr. Op. cit.; Bouzek J. Homerisches Griechenland. Praha, 1969.* На русском языке краткие обзоры основной исторической проблематики периода см. в работах: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 13 сл.; Полякова Г. Ф. От микенских дворцов к полису. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 128 сл.

ния»⁴. До сих пор не ясно, однако, какие народы и племена участвовали в этом вторжении, откуда они пришли и куда исчезли после опустошений, которым они подвергли почти всю Грецию. Теория «дорийского завоевания» в ее традиционном варианте, как признают сейчас многие исследователи, не дает удовлетворительного ответа на все эти вопросы⁵. Зато все больше приверженцев находят попытки истолкования событий рубежа XIII—XII вв. до н. э. в гораздо более широком историческом «контексте» «великого переселения народов», охватившего в этот же период практически все Восточное Средиземноморье⁶.

Как бы то ни было, сейчас представляется совершенно очевидным, что непосредственным результатом катастрофы был общий упадок и вырождение микенской цивилизации на всей занимаемой ею территории. В основной своей части этот процесс завершился, по-видимому, уже к концу XII в. Красноречивым подтверждением этой догадки служит судьба главных жизненных центров ахейских государств — дворцов и цитаделей. Агония крупнейших микенских цитаделей, переживших катастрофу конца XIII в., продолжалась еще около ста лет. Последние следы обитания на акрополях Микен, Тиринфа, Афин датируются концом XII в.⁷ В следующем, XI столетии они были окончательно заброшены. Запустение цитаделей было симптомом радикальных перемен, наступавших в жизни греческого общества в следующий за катастрофой период. Несомненно, прав Я. А. Ленцман, писавший по этому поводу: «В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захирение сохранившегося Тиринфского дворца, и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни»⁸.

Судя по ряду признаков, XII столетие было временем распада микенских дворцовых государств с их централизованной экономикой и широко разветвленным бюрократическим аппаратом. Об этом свидетельствует

⁴ Вполне вероятно, конечно, что эта катастрофа была уже подготовлена внутренними кризисными явлениями в самих микенских государствах и для их окончательного крушения необходим был лишь достаточно сильный внешний толчок. Различные варианты такого рода решения проблемы предлагают: *Bouzek*. Op. cit., S. 83 ff.; *Hammond N. G. L.* Migrations and Invasions in Greece and Adjacent Areas. Park Ridge, New Jersey, 1976, p. 129 ff.; *Sandars N. K.* The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1150—1150 B. C. L., 1978, p. 179 ff.

⁵ *Desborough*. The Last Mycenaean..., p. 252 ff.; *idem*. The Greek Dark Ages, p. 23, 324; *Mylonas G. E.* Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966, p. 224; *Vermeule*. Op. cit., p. 279; *Bouzek*. Op. cit., S. 200; *Finley M. I.* Early Greece: the Bronze Age and Archaic Greece. L., 1970, p. 61, not. 1; *Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. L., 1979, p. 75 ff.; *Schachermeyr*. Op. cit., S. 406 ff. Все эти авторы, не отрицая реальности дорийского вторжения или, скорее, просто переселения, тем не менее относят его к гораздо более позднему времени — к субмикенскому или даже протомикенскому периоду. Ср. *Buck R. J.* The Mycenaean Time of Troubles. — *Historia*, 1969, XVIII, 3, p. 280 ff.; *Rubinson L.* The Dorian Invasion Again. — *Parola del Passato*, 1975, XXX; *Snodgrass*. Op. cit., p. 312; *Hammond*. Op. cit., p. 135 ff.

⁶ Последователи этой концепции (впервые она была выдвинута Фр. Шахермайром еще в конце 20-х годов) ставят падение микенских цитаделей в один ряд с такими событиями, как разгром Хеттского царства, опустошение Сирии и Палестины и нападение на Египет так называемых «народов моря». Все эти эпизоды связываются друг с другом как последовательные ступени в своеобразной «цепной реакции», вызванной вторжением на Балканы и в страны Передней Азии большой массы варварских племен из Центральной Европы и Подунавья. Гипотеза эта, по-видимому, заключает в себе некое рациональное зерно, хотя для ее серьезного фактического обоснования еще явно недостает археологического материала. См. *Schachermeyr*. Op. cit. S. 50 ff.; подробный обзор более ранней литературы — S. 425 ff. Ср. *Desborough*. The Last Mycenaean..., p. 237 ff.; *Snodgrass*. Op. cit., p. 305 ff.; *Sandars*. Op. cit., p. 91 ff., 179.

⁷ *Alin P.* Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962, S. 24, 35; *Desborough*. The Last Mycenaean..., p. 75, 79, 230 ff.; *Snodgrass*. Op. cit., p. 363 ff.; *Schachermeyr*. Op. cit., S. 206 ff.

⁸ *Ленцман*. Рабство ..., с. 197.

прежде всего бесследное исчезновение линейного слогового письма⁹. Как известно, эта форма письменности была вызвана к жизни главным образом потребностью дворцового хозяйства в налаженной системе учета и контроля. С распадом дворцовых государств и их хозяйств отпала и надобность в письме.

Постепенно деградировали в XII в. микенское искусство и художественное ремесло¹⁰. Некоторые их виды, например фресковая живопись, вообще исчезли. Другие же (глиптика, вазовая живопись, резьба по кости, ювелирное искусство) хотя и продолжали развиваться еще некоторое время, но на все более низком техническом и художественном уровне. Чем ближе к концу XII в., тем все более редкими становятся находки по-настоящему ценных, подлинно художественных вещей. С переходом же в следующее, XI столетие они исчезают совершенно. Объяснить этот упадок можно лишь массовым бегством (или гибелью) квалифицированных мастеров-ремесленников, работавших главным образом на правящую элиту дворцовых государств и на зажиточные слои подвластного населения.

Резко сокращается в этот период и приток в Грецию чужеземных, прежде всего восточных, изделий; очень редки находки скарабеев, картушей, цилиндрических печатей, фигурок из фаянса, изделий из цветного стекла, золота, слоновой кости, хотя для микенских погребений XIV—XIII вв. это довольно обычные находки. Все это свидетельствует о разрыве торговых связей со странами Передней Азии, о начале длительной изоляции Эгейского бассейна от всего остального Средиземноморья¹¹.

Логическим завершением всех этих процессов была глубокая депрессия, охватившая основные районы материковой и островной Греции в течение так называемого субмикенского (СМ) периода (1125—1025 гг. до н. э.)¹². Основная отличительная черта СМ периода — удручающая бедность его материальной культуры, за которой скрывается резкое снижение жизненного уровня основной массы населения Греции и столь же резкий упадок производительных сил страны. Наиболее ясно этот упадок проявился в сфере ремесленного производства (о состоянии других отраслей греческой экономики, например сельского хозяйства, нам почти ничего неизвестно). По всем основным показателям — богатству ассортимента изделий, их техническому качеству и художественной отделке — ремесленная продукция СМ периода намного уступает изделиям мастеров микенской эпохи. Субмикенская керамика представлена лишь двенадцатью типами сосудов, среди которых нет ни одного нового (напомним для сравнения, что микенская керамика одного только ПЭ III СІ периода — первая половина XII в. — насчитывает 108 различных типов сосудов)¹³. Дошедшие до нас изделия субмикенских гончаров производят самое безотрадное впечатление своим внешним видом¹⁴. Они очень грубы по форме, небрежно сформованы, лишены даже элементарного изящества. Их росписи крайне примитивны и невыразительны. Как правило, в них повто-

⁹ Там же, с. 198; *Desborough V. R. d'A. The End of Mycenaean Civilization and the Dark Age. (a) The Archeological Background.*— *CAH*, v. II, p. 2, Cambr., 1975, p. 669.

¹⁰ *Desborough. The End of Mycenaean Civilization...*, p. 670; *idem. The Last Mycenaean...*, p. 243 ff.; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 360 ff.; *Bouzek. Op. cit.*, S. 22 ff. Кратковременная регенерация микенских художественных традиций в некоторых островных и материковых центрах (примером может служить микенская керамика так называемого *close style* на территории Аргониды) принципиально ничего не меняет в общей картине упадка. Ср. *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 64 ff.

¹¹ *Snodgrass. Op. cit.*, p. 325 ff.

¹² *Desborough. The Last Mycenaean...*, p. 225 ff.; *idem. The Greek Dark Ages*, p. 29 ff.; *Styrenius O. G. Submycenaean Studies*. Lund, 1967, p. 163 f.; *Bouzek. Op. cit.*, S. 89 ff.; *Snodgrass. Op. cit.*, p. 31 ff., 106 ff.; *Schachermeyr. Op. cit.*, S. 177 ff.

¹³ *Snodgrass. Op. cit.*, p. 34 f.

¹⁴ Широко распространяется в этот период лепная керамика, изготовленная без применения гончарного круга (*Desborough. The Greek Dark Ages*, p. 142 ff., 168 f.).

ряется мотив спирали — один из немногих элементов декоративного убранства, унаследованных от микенского искусства. Если по предметам такого рода можно судить о психологическом климате эпохи, мы должны будем признать, что на этих убогих сосудах лежит печать безнадежного отчаяния и духовного тупика. «Это было настоящее банкротство, — пишет английский археолог Десборо, — ...поистине „стиль темного века“. Впрочем, само слово „стиль“ здесь едва ли применимо»¹⁵.

Едва ли в лучшем положении находилось металлообрабатывающее производство СМ периода. Правда, некоторые простейшие виды изделий этого времени, например, ножи, мечи, наконечники копий, бронзовые булавки и фибулы, еще остаются на уровне микенских стандартов. Но зато совершенно исчезают такие сложные и трудоемкие предметы, как панцири, поножи, шлемы, бронзовая и серебряная посуда, подвески, диадемы и т. п., хотя изготовление всех этих вещей было вполне по плечу микенским кузнецам и ювелирам за сто или сто пятьдесят лет до этого. Общая численность изделий из металла, дошедших от этого периода, крайне невелика. Крупные предметы, например оружие, встречаются очень редко. Преобладают мелкие поделки вроде фибул или колец¹⁶. Судя по всему, население Греции в это время страдало от хронической нехватки металла, прежде всего бронзы, которая в XII — первой половине XI в. еще оставалась основой всей греческой индустрии. Объяснение этого дефицита следует, по-видимому, искать в том состоянии почти абсолютной изоляции от внешнего мира, в котором Балканская Греция оказалась еще до начала СМ периода. Отрезанные от внешних источников сырья и не располагающие достаточными внутренними ресурсами металла греческие общины вынуждены были ввести режим строжайшей экономии. Дело доходит до того, что снова, как это было когда-то в среднеэлладскую эпоху, некоторые житейски необходимые предметы, например наконечники стрел или вкладыши для лезвий ножей, начинают изготавливать не из бронзы или меди, а из камня — обсидиана¹⁷.

Правда, почти в это же самое время в Греции появились и первые изделия из железа. К самому началу СМ периода относятся разрозненные находки бронзовых ножей с железными вкладышами. Как считают специалисты-археологи, эти ножи были завезены в Грецию с Востока, скорее всего с Кипра или, может быть, из Сирии¹⁸. Ближе к концу того же периода (во второй половине XI в.) железные мечи и кинжалы появляются в отдельных могилах афинского Керамика, некрополя на о-ве Саламин, в Тиринфе, на некоторых островах Центральной Эгейды и Додеканеза¹⁹. Можно предполагать, что к этому времени техника обработки железа в какой-то степени была уже освоена самими греками. Однако очаги железной индустрии были еще крайне немногочисленны и едва ли могли обеспечить достаточным количеством металла все население страны²⁰. Решающий шаг в этом направлении был сделан лишь в следующем, X столетии.

Еще одна отличительная черта СМ периода заключается в решительном разрыве с традициями микенской эпохи буквально во всех тех сферах культуры и быта, для которых мы располагаем хоть каким-то археологическим материалом²¹. Так обстоит дело, например, в сфере погребаль-

¹⁵ Ibid., p. 41. Cp. Snodgrass. Op. cit., p. 38 ff.

¹⁶ Это характерно, например, для крупнейшего из греческих некрополей СМ периода в афинском Керамике (Kraiker W., Kübler K. Kerameikos. B. 1. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. B., 1939, S. 81 ff.; Müller-Karpe H. Metallgegenstände der Kerameikos-Gräber. — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, 1962, 77, S. 59 ff.).

¹⁷ Snodgrass. Op. cit., p. 382.

¹⁸ Ibid., p. 217 ff.; Bouzek. Op. cit., S. 44; Desborough. The Greek Dark Ages, p. 119, 315 f.; Waldbaum J. C. From Bronze to Iron. The Transition from the Bronze Age to the Iron Age in the Eastern Mediterranean. Göteborg, 1978, p. 67 f. Cp. Hammond N. G. L. Epirus. Oxf., 1967, p. 358 f.

¹⁹ Bouzek. Op. cit., S. 92; Desborough. The Greek Dark Ages, p. 316.

²⁰ Snodgrass. Op. cit. p. 368.

²¹ Desborough. The Greek Dark Ages, p. 107 ff.

ных обычаев. Наиболее распространенный в микенское время способ захоронения в камерных гробницах вытесняется теперь индивидуальными захоронениями в ящичных могилах (цистах) или в простых ямах ²². Такие могилы широко представлены в двух самых крупных некрополях СМ периода: некрополе афинского Керамика и некрополе о-ва Саламина (каждое кладбище насчитывает свыше сотни могил, датируемых этим периодом) ²³. Заметно изменяется не только форма погребения, но и состав погребального инвентаря. Во-первых, он сильно удешевляется и сокращается в числе. В подавляющем большинстве могил афинского Керамика найдена только глиняная посуда, причем самого дешевого и грубого сорта, и кое-что из вещей личного обихода, также самых заурядных (булавки, фибулы, бронзовые или железные кольца; совсем нет оружия; из драгоценностей — только пять золотых заколок для волос из тонкой проволоки и одно бронзовое кольцо с жемчужиной; и это — на сто с лишним могил!) ²⁴. Различия между богатыми и бедными могилами, таким образом, совершенно стираются.

Во-вторых, из погребений исчезают вотивные женские статуэтки, составлявшие неперенный компонент погребального инвентаря микенской эпохи, а это может указывать на серьезные изменения в сфере заупокойного культа ²⁵. В ряде случаев могильники СМ периода размещаются прямо на территории заброшенных микенских поселений, среди развалин домов, что может свидетельствовать о коренных изменениях в составе населения ²⁶. Ближе к концу периода во многих местах, например, в Аттике, Беотии, на Крите, появляется еще один новый обычай — кремация и обычно сопутствующие ей захоронения в урнах ²⁷. В этом опять-таки следует видеть отступление от традиционных микенских обычаев (господствующим способом погребения в микенскую эпоху было трупоположение; трупосожжение встречается лишь эпизодически).

Аналогичный разрыв с микенскими традициями наблюдается и в сфере культа. Даже в наиболее крупных греческих святилищах, существовавших как в микенскую эпоху, так и в более поздние времена (начиная примерно с IX—VIII вв.), СМ период, так же как и следующий за ним ПГ (протогеометрический) период, оставил после себя «мертвую зону», совершенно лишенную каких бы то ни было следов культовой деятельности: остатков построек, вотивных статуэток, даже керамики. Такую ситуацию, свидетельствующую о полном замирании религиозной жизни, археологи обнаруживают например, в Дельфах, на Делосе, в лаконских Амиклах с их древним культом Гиакинфа, в святилище Геры на Самосе и в некоторых других местах ²⁸. Исключение из общего правила составляет только Крит, где почитание богов в традиционных формах минойского ритуала, как кажется, не прерывалось на протяжении всего этого периода ²⁹.

Важнейшим фактором, способствующим искоренению микенских культурных традиций, безусловно, должна считаться резко возросшая мобильность основной массы населения Греции. Начавшийся еще в первой половине XII в. отток населения из наиболее пострадавших от варварского вторжения районов страны продолжался также и в СМ период.

²² Ibid., p. 107 f.; *idem*. The Last Mycenaeans..., p. 37 f., 231 f.; *Bouzek*. Op. cit., S. 97; *Styrenius* us. Op. cit., p. 22 ff.; *Hägg R.* Die Gräber der Argolis. B. I. Uppsala, 1974, S. 108 ff.

²³ *Kraiker*, *Kübler*. Op. cit., S. 9 ff.; *Styrenius*. Op. cit., S. 21 ff.; *idem*. The Vases from the Submycenaean Cemetery on Salamis.— *Opuscula Atheniensia*, 1962, IV, p. 103 ff.

²⁴ *Kraiker*, *Kübler*. Op. cit., S. 81 ff.

²⁵ *Andronikos M.* Totenkult.— *Archaeologia Homerica*. B. 3, K. W., Göttingen, 1968, S. 98 ff.; *Snodgrass*. Op. cit., p. 190 ff.; *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 109.

²⁶ *Snodgrass*. Op. cit., p. 316; *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 69.

²⁷ *Styrenius*. Op. cit., p. 36, f., 67 f.; *Bouzek*. Op. cit., S. 97, 106; *Snodgrass*. Op. cit., p. 144.

²⁸ *Snodgrass*. Op. cit., p. 276, 395 f.; *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 278 ff.

²⁹ *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 284 ff.

В связи с этим сокращается до минимума общее число мест, в которых, по предположениям археологов, могли существовать хоть какие-то поселения. В Арголиде, например, зафиксировано всего семь таких пунктов, в Мессении — шесть, в Аттике — четыре, в Беотии — два и в Лаконии только один ³⁰. Характерно, что массовая эмиграция начинается теперь также и в тех районах, которые не были затронуты катастрофами предшествующего периода и в течение некоторого времени служили приютом для беженцев из зоны разрушений (сюда относятся Восточная Аттика, Ахайя, острова Ионического и южной части Эгейского морей) ³¹. Судьба основной массы эмигрантов остается неизвестной. Значительная их часть, по всей вероятности, осела на Кипре, где в это время наблюдаются некоторые изменения в составе населения ³². Отдельные группы могли добратся до западного побережья Малой Азии и близлежащих островов, положив начало так называемой «ионийской колонизации» этого района (наиболее ранние образцы субмикенской керамики, найденные в Милете, датируются первой половиной XI в.) ³³.

В самой Греции подавляющее большинство микенских поселений, как больших, так и малых, было покинуто их обитателями. Некоторые из них, как было уже сказано, использовались в качестве погостов. Другие стали просто пустырями или пастбищами для коз и овец. Следы вторичного заселения микенских цитаделей и городков встречаются лишь эпизодически и, как правило, после длительного перерыва ³⁴. Почти все вновь основанные поселения СМ периода, а их число очень невелико, располагаются на некотором удалении от микенских руин, которых люди этого времени, по-видимому, суеверно сторонились, опасаясь гнездившихся в них злых духов. Так, в Афинах вскоре после того как был покинут его обитателями дворец на акрополе, где-то около 1100 г. появляется новое поселение, но уже вдали от цитадели — в районе позднейшей агоры ³⁵.

Все эти факты свидетельствуют о крайней непрочности жизненного уклада греков этой эпохи. Пожалуй, никакой другой период в истории Греции не напоминает так близко знаменитое фукидидовское описание первобытной жизни эллинских племен с их непрерывными передвижениями (*μεταναστεύειν*), хронической бедностью и неуверенностью в завтрашнем дне (Thuc., I, 2). Нам не кажется слишком смелой мысль, высказанная Старром, который в данном случае лишь следует Фукидиду, полагая, что население многих областей Греции в конце XII—XI вв. снова вернулось к кочевому или полукочевому образу жизни ³⁶.

В этой связи заслуживают самого пристального внимания совершенно определенные признаки сходства, сближающие культуру СМ периода с культурой гораздо более ранней исторической эпохи — так называемого «среднеэлладского периода» (XX—XVII вв. до н. э.), предшествующего зарождению микенской цивилизации ³⁷. В большинстве своем эти признаки носят сугубо негативный характер. Вот важнейшие из них: 1) отсутствие больших укрепленных поселений и построек дворцового типа (все из-

³⁰ Bouzek. Op. cit., S. 51. Согласно данным Снодграсса (op. cit., p. 364), по всей Греции раскопки выявили лишь 40 мест, которые могли быть заселены в XI в. (в XII в. их было 130, в XIII — 320).

³¹ Desborough. The Last Mycenaeans..., p. 232 ff.; *idem*. The Greek Dark Ages, p. 333 f.

³² Desborough. The Last Mycenaeans..., p. 236; *idem*. The Greek Dark Ages, p. 333. Cp. Snodgrass. Op. cit., p. 365.

³³ Desborough. The Greek Dark Ages, p. 83. Cp. Cook J. M. Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor. — САН, v. II, p. 2. Cambr., 1975, p. 785.

³⁴ Snodgrass. Op. cit., p. 363 f.; Desborough. The Greek Dark Ages, p. 263.

³⁵ Thompson H. A. Buildings on the West Side of the Agora. — Hesperia, 1937, 6, 1, p. 1; Snodgrass. Op. cit., p. 363. Аналогичная ситуация прослеживается в Лефканди на Эвбее (Desborough. The Greek Dark Ages, p. 189).

³⁶ Starr. Op. cit., p. 80.

³⁷ Snodgrass. Op. cit., p. 383 f. Cp. Vermeule. Op. cit., p. 72 ff.; Dickinson. Op. cit., p. 32. ff.

вестные нам поселения как СЭ, так и СМ периода представляют собой маленькие деревушки с весьма примитивными укреплениями или вообще без них); 2) отсутствие письменности; 3) почти полное отсутствие культовых сооружений и культовой утвари; 4) никаких других видов искусства, кроме крайне примитивной вазовой росписи, состоящей в основном из абстрактных геометрических узоров (отдельные образцы мелкой пластики — фигурки людей и животных встречаются как в тот, так и в другой период лишь в виде исключения); 5) почти никаких данных, которые могли бы свидетельствовать об имущественной или социальной дифференциации общества (очень мало предметов роскоши, почти абсолютная стандартизация погребений); 6) длительная изоляция Греции от внешнего мира (почти полное отсутствие предметов чужеземного импорта в погребениях).

Имеются, однако, и положительные черты сходства, благодаря которым материальная культура СМ периода может считаться чуть ли не буквальным повторением культуры СЭ эпохи. Совпадают, например, такие важные их элементы, как способ погребения (как в том, так и в другом случае преобладают погребения в каменных ящиках — цистах), типы жилищ (как для того, так и для другого периода типичной может считаться овальная или апсидальная постройка из кирпича-сырца на каменном фундаменте с круглым очагом в центре), основные принципы вазовой живописи (условный геометрический рисунок наносится темным лаком по светлому фону). Удивительная близость обнаруживается в некоторых видах глиняных изделий, например в грубой лепной керамике (образцы этого рода сосудов, датируемые XX—XVII и XI—X вв., практически невозможно различить). Для полноты картины не хватает лишь одной характерной детали: орудия из камня (обсидиана), довольно часто встречающиеся в среднеэлладских поселениях и некрополях, снова после длительного перерыва появляются в погребениях СМ периода, хотя и не в таком большом количестве, как прежде.

Если попытаться экстраполировать все эти симптомы культурного упадка и регресса в недоступную нашему непосредственному наблюдению сферу социально-экономических отношений, мы почти неизбежно должны будем признать, что в XII—XI вв. до н. э. греческое общество было отброшено далеко назад, на стадию первобытнообщинного строя и по существу снова вернулось к той исходной черте, с которой когда-то (в XVII столетии) начиналось становление микенской цивилизации. В принципе такую возможность, по-видимому, нельзя считать полностью исключенной. Волна переселения народов, обрушившаяся на Грецию на рубеже XIII — XII вв. до н. э., могла начисто смыть непрочный слой элитарной дворцовой культуры, после чего на поверхность выступил гораздо более глубокий и мощный пласт древних «крестьянских» культур элладской эпохи. Именно так можно интерпретировать резкое снижение бытовых и эстетических стандартов, возвращение к самым примитивным типам жилищ и погребений, к самым архаичным и незатейливым формам декоративного искусства, представленным росписями субмикенских и протогеометрических сосудов. Возможно, в какой-то, точно неизвестной нам степени все эти феномены упадка были обострены и усилены благодаря приходу новой волны грекоязычных племен (дорийцев и других представителей так называемой «северо-западной» группы греческих диалектов), культура которых до этого момента оставалась почти незатронутой минойскими и микенскими влияниями и поэтому сохранила во всей первоначальной чистоте свой «исконно элладский облик»³⁸.

³⁸ Апологеты реакционной «нордической теории» воспринимают «элладский ренессанс» XI—X вв. до н. э. как наглядное доказательство неизменности и живучести подлинно эллинского (индоевропейского) духа, который, хотя и подавлялся временами чуждой ему этнокультурной средой, как это было в период расцвета микенской цивилизации, все же в конце концов всегда пробивал себе дорогу и снова выходил на по-

Однако, делая выводы такого рода, необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность. Нельзя забывать о том, что археология при всех ее неоспоримых достоинствах в качестве источника объективной исторической информации все же едва ли способна дать вполне адекватную действительности картину социально-экономического развития Греции в этот отдаленный период ее истории. Многие важные особенности этого процесса, конечно, невозможно восстановить, имея перед глазами лишь обломки глиняной посуды, да наконечники копий и стрел. Многое приходится домысливать, используя свидетельства гораздо более поздних письменных источников, а также и археологический материал, находящийся уже вне рамок рассматриваемого периода ³⁹.

Как показали специальные исследования, многочисленные минойско-микенские реминисценции прослеживаются в греческой культуре, особенно в такой наиболее консервативной ее области, как религия и культ, вплоть до эпохи эллинизма. К микенской эпохе восходят имена большинства богов, многие образы и сюжеты греческой мифологии, некоторые важные элементы религиозной обрядности ⁴⁰. Случаи аналогичного оживления микенских традиций отмечены также и в сфере изобразительного и прикладного искусства (отдельные орнаментальные мотивы, например мотив спирали, некоторые виды мелкой пластики и т. п.) ⁴¹, в архитектуре и градостроении (постройки в форме мегарона, конгломератный принцип застройки жилых кварталов) ⁴². Следует, однако, подчеркнуть, что во всех этих случаях речь может идти лишь о консервации и последующей регенерации отдельных, чаще всего разрозненных элементов того, что когда-то было большим и сложным культурным комплексом. Сам же комплекс там, где это удается проследить, либо совершенно исчезает, либо преобразуется до неузнаваемости, т. е. фактически создается заново.

Так, если взять микенскую систему религиозных представлений, то какие-то ее части, например, имена богов, отчасти, возможно, также связанные с ними образы, некоторые обряды вполне могли перейти из одной эпохи в другую. Но вся система в целом была в корне перестроена. Изменилась ее структура, изменились и отношения между составляющими ее элементами ⁴³. Если центральной фигурой микенского пантеона было,

верхность (*Kraiker W. Nordische Einwanderung in Griechenland. — Die Antike, 1939, 15, S. 221 ff.; Matz Er. Geschichte der griechischer Kunst. B. I. Frankfurt am Main, 1950, S. 46 ff.; Hafner G. Geschichte der griechischen Kunst. Zürich. 1961, S. 53 ff.; Schachermeyr. Op. cit., S. 447 ff.*

³⁹ Удручающее однообразие погребений СМ и в значительной части также следующего за ним протогеометрического (ПГ) периода (около 1025—900 гг. до н. э.) невольно наводит на мысль о сугубой «эгалитарности» общественных структур этого времени. Однако это впечатление может быть и обманчивым. Отчасти эта догадка подтверждается недавними сенсационными находками английских и греческих археологов в Лefканди на о-ве Эвбея. См. о них: *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H. The Hero of Lefkandi. — Antiquity, 1982, 56, 218*. Открытое здесь захоронение безымянного героя (вероятно, местного племенного вождя) по богатству погребального инвентаря, а также по масштабам затраченного на него труда, пожалуй, не знает себе равных в хронологическом промежутке, разделяющем последние купольные усыпальницы микенской эпохи (XIII в. до н. э.) и гораздо более поздние (VIII в. до н. э.) царские гробницы Саламина Кипрского.

⁴⁰ *Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion. Lund — Oxford, 1927, passim; idem. Geschichte der griechischen Religion. B. I. München, 1976, S. 303 ff.; Vermeule. Op. cit., p. 280 ff.; Snodgrass. Op. cit., p. 192 ff., 395 ff.; Dietrich B. C. Evidence of Minoan Religious Traditions and Their Survival in the Mucenaean and Greek World. — Historia, 1982, XXXI, 1; Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.— Л., 1957, с. 285 слл.*

⁴¹ *Levi D. Continuità della tradizione micenea nell'arte greca antica. — In: Atti e Memorie del I Congresso Internazionale di Micenologia. — 1967. Roma, 1968; Schweitzer B. Die geometrische Kunst Griechenlands. Köln, 1969, S. 26 ff.; Snodgrass. Op. cit., p. 399 f.*

⁴² *Vermeule. Op. cit., p. 287; Schweitzer. Op. cit., S. 232 ff.; Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. — Archaeologia Homerica, B. II, K. O., Göttingen, 1969, S. 96 f.*

⁴³ *Starr. Op. cit., p. 172 ff. Cp. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion. I. S. 338 ff.*

судя по имеющимся у нас данным, женское божество — богиня-мать, богиня-владычица, то уже у Гомера мы находим совсем иную, чисто патриархальную схему организации мира богов (в центре его стоит бог-отец Зевс, которому подчинены все прочие как мужские, так и женские божества). Другим примером может служить сам гомеровский эпос. Ряд фактов свидетельствует о том, что дистанция, отделяющая его от предшествующей ему микенской героической поэзии, была огромна, и речь может идти опять-таки лишь об усвоении создателем или создателями поэм случайных, практически не связанных между собой элементов более древней художественной традиции ⁴⁴. Пожалуй, еще более ясно и определенно этот разрыв с культурными традициями бронзового века выступает в сфере греческого декоративного искусства. Уже древнейшее его направление, представленное вазовой живописью геометрического стиля, по своим основным эстетическим принципам резко отличается от всего того, что могло ему предшествовать в искусстве крито-микенской эпохи, хотя некоторые из используемых им орнаментальных мотивов, возможно, восходят к этому времени ⁴⁵.

Нам думается, что мы вправе сделать еще один шаг в том же направлении и распространить это наблюдение на всю микенскую цивилизацию. Взятая как некое органическое целое, как «система систем», она была — это можно сказать теперь с полной уверенностью — отброшена историей в сторону как ненужный черновик, неудачная проба пера и заменена совершенно иным типом цивилизации. Нельзя не согласиться с М. Финли, который писал по этому поводу: «Неизбежная концентрация на материальных остатках и технологии не должна скрывать от нас масштабы происшедшего разрыва. Конечно, население продолжало обрабатывать землю и пасти скот, изготавливать керамику и орудия труда, используя, в сущности, ту же технику, что и прежде... Оно продолжало также поклоняться своим богам и исполнять необходимые обряды... Но общество было организовано теперь на иной основе. Оно вступило на совершенно иной путь развития, создавая новую систему ценностей. Бронзовый век пришел к своему завершению» ⁴⁶.

Итак, как бы мы ни оценивали долю микенского наследия в общем фонде греческой культуры I тыс. до н. э., сам факт резкого разрыва между этими двумя эпохами не подлежит сомнению. Переход с одной ступени на другую носил кризисный, катастрофический характер и сопровождался глубокими формационными сдвигами, замедлением, а в отдельные моменты, возможно, даже и полной приостановкой культурного развития, утратой многих важных достижений микенской эпохи. Очевидно, только такой ценой греческое общество способно было найти выход из той тупиковой ситуации, в которой оно рано или поздно должно было оказаться, если бы не сошла со сцены микенская дворцовая цивилизация ⁴⁷.

В принципе феномен возвращения вспять, с более высокой ступени общественного развития на более низкую, хотя и встречается в истории человечества сравнительно редко, не заключает в себе чего-то невозможного ⁴⁸. Поэтому нас не должна смущать на первый взгляд парадоксальная ситуация, сложившаяся в Греции на рубеже II—I тыс. до н. э. при пере-

⁴⁴ Carpenter R. Folk Tale, Fiction and Saga in the Homeric Epics. Berkeley — Los Angeles, 1956, p. 23 f.; Kirk G. S. The Songs of Homer. Cambr., 1962, p. 106 f.; Lesky A. Homeros. — RE, Suppl. XI. Stuttgart, 1968, S. 715 f.; Codino F. Einführung in Homer. B., 1970, S. 72; Finley M. I. The World of Odysseus. N. Y., 1978, p. 44 f.; Андреев. Раннегреческий полис, с. 6 слл.

⁴⁵ Demargne P. Naissance de l'art grec. P., 1964, p. 285 suiv.; Starr. Op. cit., p. 143; Schweitzer. Op. cit., S. 15.

⁴⁶ Finley. Early Greece..., p. 68. Ср. Vermeule. Op. cit., p. 309; Блаватская. Ук. соч., с. 50 сл.

⁴⁷ Starr. Op. cit., p. 57 f., 74.

⁴⁸ См. Ленин В. И. Соч., т. 30, с. 6: «... представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно».

ходе от эпохи бронзы к веку железа. Более или менее близкие исторические аналогии, вероятно, можно было бы подыскать и в других регионах древнего мира ⁴⁹.

Главная трудность заключается в другом. Ведь если допустить, что к началу I тыс. греческое общество было снова возвращено в то исходное состояние, в котором оно пребывало до возникновения первых микенских государств, то как объяснить в этом случае тот не подлежащий никаким сомнениям факт, что все дальнейшее его развитие пошло совсем по иному пути, нежели это было в микенскую эпоху? Совершенно ясно, что при полном тождестве его исходных моментов во II и в I тыс. процесс становления классового общества не смог бы привести к столь различающимся между собой историческим результатам, как микенское дворцовое государство и классический греческий полис.

Выход из этого затруднительного положения может быть найден только в том случае, если мы признаем, что новый вариант первобытно-общинного строя, сложившийся в Греции к началу I тыс., не был простым повторением пройденного или, если говорить более конкретно, возвращением к тем примитивным социальным структурам среднеэлладской эпохи, из которых когда-то выросла микенская цивилизация. За время, разделяющее эти два переломных момента (а прошло как никак почти тысячелетие), в жизни греческого общества многое изменилось. Во-первых, существенно изменился общий баланс сил, направлявших его развитие по пути от варварства к цивилизации. Вступили в действие новые важные факторы, о которых в начале II тыс. еще не могло быть и речи (наиболее очевидный пример такого рода — широкое внедрение в греческую экономику железа в X—IX вв.). Во-вторых, — и этот момент представляется нам особенно важным — серьезные изменения претерпело за эту тысячу лет само греческое общество, а точнее греческая земледельческая община, остававшаяся в течение всего этого времени его основной структурной ячейкой.

Размышляя о характере и причинах катастрофы, пережитой Грецией в XIII—XII вв. до н. э., известный советский историк античности Я. А. Ленцман писал: «Возможность и, думается, причина регресса лежала в узости социальной базы микенских обществ. Дворцы были лишь небольшими островками в море родовых поселений. Классовые отношения формировались только в непосредственной дворцовой округе. Именно это предопределило быстрый разгром верхушечной дворцовой культуры при сохранении техники производства и условий быта рядового населения. Иными словами, гомеровское общество унаследовало не микенскую культуру в целом, а культуру рядового населения микенского времени. Только здесь наблюдается преемственность в экономике и социальном строе» ⁵⁰. В целом подход Ленцмана к решению проблемы континуитета представляется нам вполне оправданным и достаточно конструктивным. Хотя некоторые его формулировки, возможно, еще нуждаются в уточнениях и поправках, он, безусловно, прав в главном: культурная, а в равной мере и социально-экономическая преемственность были возможны в условиях катастрофического распада микенских государств лишь на уровне их инфраструктур, но никак не суперструктур, т. е. самой дворцовой цивилизации, которая в этот период просто перестала существовать.

Но что представляли собой эти пережившие катастрофу «нижние этажи» микенской социальной системы? Многочисленные ближневосточные аналогии подсказывают, что это могли быть небольшие земледельческие

⁴⁹ Во многом сходная ситуация «культурного вакуума» сложилась в Индии в промежутке между гибелью хараппской цивилизации (XIX—XVII вв. до н. э.) и приходом ариев (XII—XI вв.). См. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969, с. 126.

⁵⁰ *Ленцман.* Рабство..., с. 282.

общины территориального или, может быть, территориально-родового характера, входившие в состав дворцовых государств в качестве их основных структурных единиц⁵¹. В период расцвета микенской цивилизации они образовывали вокруг дворцовых центров какое-то подобие питательной среды, без которой эти организмы практически не смогли бы существовать. Отличаясь, как и все социальные структуры такого типа, чрезвычайной стабильностью, эти общины вполне могли пережить все завоевания, политические катаклизмы и смены царских династий, происходившие в Греции в течение II тыс. до н. э. Некоторые из них продолжали существовать и развиваться, оставаясь на своих местах, также и после распада микенских бюрократических монархий. Некоторые, исчезая в одних местах, затем спонтанно возрождались на другой территории. В резко изменившемся климате «темных веков» эти простейшие социальные организмы оставались единственными носителями элементов культурной традиции эпохи бронзы.

Выше мы уже говорили о выживании отдельных фрагментов микенской системы религиозно-мифологических представлений, эпической поэзии, искусства, архитектуры и т. п. Вероятно, все они укоренились в среде общинников-земледельцев и именно благодаря этому были спасены от полного забвения. Но в той же общинной среде могла сохраниться, поскольку это имело жизненно важное значение для самой общины, также и определенная часть накопленного микенским обществом технического потенциала. В противном случае нам было бы трудно объяснить, как греческие металлурги сумели в условиях страшного упадка производительных сил страны, наглядно засвидетельствованного археологией, так быстро освоить довольно сложную технологию обработки железа. В общий фонд аккумулированных и сбереженных земледельческой общиной традиций микенской эпохи могли входить, кроме того, некоторые более или менее устойчивые формы социальной стратификации и отношений собственности, в которых нашли свое отражение (хотя бы неполное и приглушенное) важные качественные сдвиги, происшедшие в жизни микенского общества в период его наибольшего процветания.

В этой связи нам хотелось бы определить более четко свое отношение к известному взгляду на микенское общество (его разделял, в частности, как это следует из приведенной выше цитаты, и Я. А. Ленцман) как на результат своеобразного симбиоза двух различных формаций: раннеклассовой и первобытнообщинной, соединенных в рамках одной политической системы⁵². Вероятно, оценки такого рода более или менее оправданы, когда речь идет о наиболее ранних этапах в формировании микенской цивилизации, например о периоде так называемых «шахтовых могил», но при характеристике более поздних, а тем более завершающих этапов того же процесса они едва ли могут быть приняты без всяких оговорок. При всех скидках на крайний консерватизм и даже застойность первобытной земледельческой общины было бы трудно представить, чтобы длившееся несколько столетий подряд сосуществование этой общины с социальными структурами совсем иного порядка, каковыми, безусловно, могут считаться микенские дворцовые государства, прошло для нее совершенно

⁵¹ В архивных документах микенской эпохи территориальная община — дамос — фигурирует в качестве юридического лица, наделенного определенными правами и полномочиями, в частности правом распоряжения принадлежащими ему земельными фондами. См. *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek*. Cambr., 1959, p. 390; *Palmer L. R. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts*. Oxf., 1963, p. 188; *Lejeune M. Le damos dans la société mycénienne*. — REG, 1965, 368—370, 78, p. 6, 16; *Stella L. A. La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Roma, 1965, p. 60 sg., *Maddoli G. Damos e basilees*. — SMEA, 1970, XII, p. 18 sg. Ср. *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978, с. 249 сл., 265 сл.

⁵² Другой вариант по существу той же самой концепции был выдвинут в статье: *Папазоглу. К вопросу...*; ср. *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. Л., 1940, с. 49 сл., 65; *Колобова.* Греция XI—IX вв. до н. э., с. 10.

бесследно. Против такого допущения говорит буквально все, что нам известно о положении так называемого «общинно-частного сектора» в переднеазиатских обществах с двухсекторной экономикой (по определению И. М. Дьяконова) как более раннего времени, так и синхронных микенской эпохе в Греции⁵³. В обществах этого типа территориальная община выступает обычно в двойственной роли: с одной стороны, как основной носитель традиций и пережитков эпохи первобытнообщинного строя, что находит свое выражение в особой устойчивости общинной собственности на землю и воду, в длительном сохранении внутри общины таких форм социальной организации, как большая семья (домовая община), с другой же — как своеобразный генератор имущественного неравенства и частнособственнических тенденций. Двойственной была на Востоке и роль государственного экономического сектора в его отношениях к общине, поскольку государство в одно и то же время стимулировало рост имущественной и вообще социальной дифференциации внутри общины, оказывая поддержку общинной знати в ее конфликтах с рядовыми общинниками, и тормозило его, сдерживая развитие частной инициативы среди массы общинников посредством налогового гнета, а иногда и прямым вмешательством в их хозяйственную деятельность⁵⁴.

Можно предполагать, хотя для окончательных выводов мы пока еще не располагаем достаточной информацией, что такой же диалектически противоречивый характер носил процесс классового образования и в микенской Греции. Вероятно, и здесь мощный пласт первобытных традиций сохранялся на протяжении длительного времени в непосредственной близости от дворцовых центров внутри подвластных этим центрам общин. Однако по мере развития микенских государств и усложнения их социально-экономической структуры этот пласт должен был подвергаться все более и более усиливающейся эрозии. Сквозь него начинали пробиваться первые ростки частной собственности и классового антагонизма⁵⁵.

По всей видимости, этот процесс не был прерван и после крушения микенской цивилизации с последовавшей за ним реставрацией первобытнообщинного строя. Объективно распад микенских бюрократических монархий с типичной для них системой фискального гнета и контроля за поведением податного населения должен был способствовать экономической эмансипации патриархальной крестьянской семьи — ойкоса, за которой рано или поздно, вероятно, последовало бы и полное раскрепощение частной хозяйственной инициативы мелкого собственника⁵⁶. Конечно, нельзя сбрасывать со счета и факторы, действовавшие в противоположном направлении и тормозившие развитие частнособственнических отношений в послемикенской Греции. Одним из таких факторов был, безусловно, длительный экономический застой и запустение наиболее процветавших до этого районов страны. Появление на их территории отсталых пастушеских племен, переселявшихся с севера — из Эпира и Македонии,

⁵³ Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. — ВДИ, 1963, № 1; он же. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. — ВДИ, 1968, № 3; История древнего мира/Под ред. Дьяконова И. М. Т. I. Ранняя древность. М., 1982, с. 33 слл.

⁵⁴ О двойственной роли государства в процессе так называемой «приватизации» см. Васильев Л. С. Проблемы генезиса Китайского государства. М., 1983, с. 55.

⁵⁵ Вполне возможно, что сама община при этом постепенно эволюционировала от более архаичной родовой формы к соседской или сельской. Ср. Богачевский Б. Л. Крито-микенская эпоха. — История древнего мира/Под ред. Ковалева С. И. Т. II, ч. I. М., 1936, с. 104 слл.; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966, с. 106.

⁵⁶ Ср. Sarkady J. Outlines of the Development of Greek Society in the Period between the 12th and 8th Cent. B. C. — Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar., 1975, XXIII, 1—2, p. 122; *idem*. Die Rolle der asiatischen Produktionsweise in der griechischen Entwicklung und das Problem der Entstehung der antiken Produktionsweise. — Oikumene, 1978, 2, S. 50; Bockisch G. Voraussetzungen und Anfänge der antiken Produktionsweise. — EAZ, 1975, 16, S. 236 ff.; *eadem*. Die Rolle der Volksmassen bei der Entstehung der frühen Polis (12—8 Ch. v. u. Z.). — In: Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vor-kapitalistischen Gesellschaftsformationen. B., 1975, S. 88 ff.

также могло на некоторое время задержать вызревание новых форм собственности в среде местного населения⁵⁷.

Тем не менее силы исторической инерции, накопленной греческим обществом в течение микенской эпохи, хотя и подспудно, но все же продолжали прокладывать себе дорогу. В немалой степени этому способствовало радикальное обновление технологической базы греческой экономики, происшедшее уже в начальной фазе «темных веков». Исследования последних лет показали, что уже в X в. до н. э. Греция становится одним из ведущих очагов индустрии железа в пределах Восточного Средиземноморья, далеко опередив в производстве изделий из этого металла Сирию, Анатолию и Египет и уступая одной только Палестине⁵⁸. В связи с этим было высказано предположение, что столь быстрое освоение технологии обработки железа в значительной мере стимулировалось хронической нехваткой олова, что вело к резкому снижению производства бронзы⁵⁹. Действительно, общее число бронзовых изделий в этот период заметно сокращается почти во всех странах региона. Из железа теперь изготавливаются не только различные виды оружия и орудий труда, но также и украшения (кольца, браслеты), фибулы, булавки и т. п. изделия, в производстве которых в нормальных условиях железо едва ли могло бы успешно конкурировать с бронзой⁶⁰. Правда, уже в следующем, IX столетии бронза частично вернула утраченные ею позиции. Снова появляются разнообразные изделия из этого металла, в том числе и такие крупные предметы, как котлы и треножники⁶¹. Тем не менее ни в IX, ни в последующих столетиях бронза так и не смогла полностью восстановить свое господствующее положение в средиземноморской металлургии. Железо продолжало использоваться для изготовления всех рубящих, режущих и колющих орудий как военного, так и мирного назначения. Очевидно, за этот сравнительно короткий промежуток времени обнаружился целый ряд важных преимуществ нового металла перед бронзой. Преимущества эти заключались не только в сравнительной дешевизне железа, связанной с относительно широкой распространенностью его месторождений, но, несомненно, также и в его более высоких технических качествах, что подтверждается данными металлографического анализа древнейших железных артефактов⁶².

Являясь симптомом и одновременно следствием экономического упадка, оскудения и изоляции, столь характерных для Греции на начальной

⁵⁷ Вполне вероятно, что дорийцы и другие пришлые племена принесли с собой более архаичные и, видимо, также более жесткие формы гентильной организации с еще неизжитыми принципами коллективизма в хозяйственной жизни. Однако эти формы могли удержаться лишь там, где пришельцы жили в относительной изоляции, не смешиваясь с местным населением. Там же, где процесс культурной ассимиляции шел более интенсивно, они должны были постепенно исчезать, уступая место более гибким социальным структурам. Перенимая у своих предшественников их образ жизни и хозяйственный уклад, «северные варвары», несомненно, усваивали также и их психологию, и в частности их отношение к собственности. Ср. *Лурье*. История Греции, с. 65; *Влаватская*. Греческое общество ..., с. 50 сл.; *Bockisch*. Voraussetzungen und Anfänge..., S. 236.

⁵⁸ *Waldbaum*. Op. cit., p. 36, tabl. III, 10.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 72; *Maddin R.*, *Muhly J. D.*, *Wheeler T. S.* How the Iron Age Began. — *Scientific American*, 1977, 10, 4, p. 122. Ср. *Snodgrass*. Op. cit., p. 237 ff.: *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 316 f.

⁶⁰ *Waldbaum*. Op. cit., p. 42, tabl. IV, 3; p. 48, tabl. IV, 7; *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 317.

⁶¹ *Snodgrass*. Op. cit., p. 239; *Desborough*. The Greek Dark Ages, p. 318; *Bouzek*. Op. cit., S. 116, 140.

⁶² По мнению американских специалистов, занимавшихся этой проблемой, уже в X в. до н. э., а может быть, даже и раньше был открыт способ получения железа повышенной твердости или «осталенного железа» (steelled iron), превосходившего бронзу по всем основным техническим показателям. См. *Maddin*, *Muhly*, *Wheeler*. Op. cit., p. 126 ff. Ср. *Waldbaum*. Op. cit., p. 68 ff.; *Forbes R. J.* Bergbau, Steinbruchtätigkeit und Hüttenwesen. — *Archaeologia Homerica*. B. 2, K. K. Göttingen, 1967, S. 30; *Pleiner K. R.* Iron working in Ancient Greece. Praha, 1969, p. 10; *Snodgrass*. Op. cit., p. 215 f., 230.

стадии «темных веков», происшедший технический переворот вместе с тем с самого начала таил в себе мощный импульс нового движения вперед. Высказанная в 1942 г. мысль Г. Чайлда о «демократизирующем» воздействии железа на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело едва ли может быть сейчас оспорена, и пример послемикенской Греции здесь как нельзя более уместен⁶³. Открытие способа обработки железа имело своим основным результатом резкое увеличение общей массы металла, находящегося в обращении, и, следовательно, более равномерное распределение его запасов между отдельными производственными ячейками, т. е. патриархальными семьями. Благодаря более дешевым и вместе с тем более эффективным орудиям труда вырос экономический потенциал малой семьи и в то же время уменьшилась ее зависимость от социальных организмов второго и третьего порядка, т. е. большой семьи, общины и т. д. Широкое внедрение железа в экономику Греции сделало невозможным ее возвращение вспять к централизованным дворцовым хозяйствам микенской эпохи. Эта система хозяйственной интеграции в значительной мере базировалась на государственной монополии в металлургии и некоторых других ведущих отраслях ремесленного производства и теперь, когда основной индустриальный металл стал практически общедоступен, перестала себя оправдывать⁶⁴. Таким образом, в ситуации, создавшейся после падения микенской цивилизации, железо должно было сыграть роль своеобразного катализатора, значительно ускорившего процесс нарастания частнособственнических, индивидуалистических тенденций в социально-экономическом развитии греческого общества, благодаря чему его структура стала более подвижной и пластичной, легче поддающейся всевозможным изменениям⁶⁵.

Необратимость глубоких внутренних изменений, пережитых греческим обществом в течение II тыс. до н. э., стала совершенно очевидной на заключительной стадии «темных веков», и первые ясно выраженные ее симптомы мы находим в гомеровском эпосе.

Этот древнейший памятник греческой литературы стоит как бы на грани двух больших исторических эпох: подводя итоги периода послемикенского регресса, он в то же время во многом уже предвосхищает приближающуюся «архаическую революцию»⁶⁶. В поэмах отразились

⁶³ Childe G. What Happened in History. L., 1942, p. 183; он же. Прогресс и археология. М., 1949, с. 76 сл. Задолго до Чайлда Энгельс назвал железо «последним и важнейшим из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 463), имея в виду прежде всего увеличение производительности труда, связанное с внедрением в производство железных орудий, более эффективных, чем бронзовые или медные.

⁶⁴ Ср. Heichelheim Fr. An Ancient Economic History. V. I. Leiden, 1958, p. 196 ff.; Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М., 1959, с. 173.

⁶⁵ Некоторые авторы впадают в явное преувеличение, называя железо главным и даже единственным фактором, обусловившим историческую специфику греческой цивилизации. См., например, Wason C. R. Iron and Steel.—Acta Antiqua Acad. Scient. Hungar., 1978, XXVI, 3/4, p. 272 f.; Bakhuizen S. C. Greek Steel.—World Archaeology, 1977, 9, 2, p. 229 ff. Такой подход к решению проблемы «греческого чуда» представляется нам слишком упрощенным и методологически неверным. Учитывая глобальный характер так называемой «революции раннежелезного века» (см. о ней Schlette Fr. Zur früheisenzeitlichen Revolution der Produktiv-Kräfte.—Klio, 1979, 61, 2), с одной стороны, и уникальность античного пути развития — с другой, гораздо логичнее было бы предположить, что своим возникновением этот феномен был обязан весьма сложному и практически нигде более не встречающемуся стечению исторических обстоятельств, включавшему в свой состав в числе прочих факторов также и индустрию железа. Ср. Snodgrass. Op. cit., p. 239; Starr Ch. G. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800—500 B. C. N. Y., 1977, p. 25, not. 3; Herrmann J., Müller R. Kontroverse Probleme der griechischen Kulturgeschichte.—Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1980, 28, 6, S. 559 f.; Sarkady. Die Rolle der asiatischen Produktionsweise..., S. 50.

⁶⁶ В соответствии с этим мы включаем в понятие «гомеровского периода» в основном IX и VIII века до н. э. или время господства геометрического стиля в греческом искусстве. Ср. Schadewald W. Homer und sein Jahrhundert.—In: Das Neue Bild der

наиболее важные специфические черты нового варианта доклассового общества, ставшего отправной точкой в развитии античной цивилизации. Судя по целому ряду признаков, для него была характерна довольно далеко продвинувшаяся социальная стратификация⁶⁷. Эпическое общество представляет собой достаточно сложную социальную систему, складывающуюся из нескольких групп или слоев с различающимся правовым статусом (правовые различия в свою очередь обусловлены различиями в происхождении или имущественном положении). Такими группами могут считаться, с одной стороны, знать и рядовые общинники, с другой — полноправные члены общины и лица, стоящие вне общинной организации и в силу этого находящиеся в зависимости от представителей первой из этих двух категорий, как, например, рабы, феты и так называемые «слуги».

Правда, гомеровская знать, судя по всему, еще не успела стать ни сословием, ни тем более классом в том значении слова, которое вкладывается в него марксистской исторической наукой⁶⁸. Мы не находим в поэмах никаких указаний на систематическую эксплуатацию знатью рядовых свободных общинников. Так называемые «дары», о которых время от времени упоминает Гомер, скорее всего носили характер эпизодических поборов в пользу родовых вождей — бацилеев. По существу аристократические семьи составляли в эпическом обществе лишь верхушечную часть демоса, прослойку наиболее зажиточных крестьян, еще не отделившуюся в полной мере от основной массы свободных земледельцев. Также и рабство еще не играет сколько-нибудь заметной роли в хозяйственной жизни гомеровской общины в силу малочисленности самих рабов и ограниченных возможностей применения их труда⁶⁹. Перед нами, таким образом, по сути своей еще доклассовое общество, очень далеко отстоящее и от сложной иерархии сословий — должностей микенской эпохи⁷⁰, и от развитого рабовладельческого строя.

Тем не менее изображенная Гомером социальная система не укладывается и в стереотипное представление о родовом строе как абсолютной антитезе классового общества. В экономической жизни гомеровского общества на первый план решительно выдвигается изолированный ойкос, т. е. автономное хозяйство малой патриархальной семьи⁷¹. Нигде в эпосе мы не находим никаких упоминаний о родовом хозяйстве или родовой собственности на землю и другие средства производства⁷². Вообще род как особая социальная группа, объединенная общими экономическими или какими-нибудь иными интересами, Гомером практически игнорируется,

Antike. В. I. Lpz., 1942; *Finley*. The World of Odysseus, p. 48, 154 ff.; *Starr*. The Economic and Social Growth..., p. 7 f.; 120; *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Cambr., p. 170; *Snodgrass A. M.* An Historical Homeric Society?— JHS, 1974, 94.

⁶⁷ Ср. *Calhoun G. M.* Classes and Masses in Homer.— CPh, 1934, 29, 3; *Rose P. W.* Class Ambivalence in the Odyssey.— Historia, 1975, XXIV, 2; *Starr*. The Economic and Social Growth..., p. 119 ff.

⁶⁸ Довольно обычное в западной литературе сближение гомеровской знати с феодальной аристократией европейского средневековья не имеет под собой никакой почвы. См. *Pöhlmann R.* Aus Altertum und Gegenwart. München, 1911, S. 153 ff.; *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931, S. 18 f.; *Schachermeyr Fr.* Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960, S. 83 ff. Ср. *Strassburger H.* Die soziologischen Aspekte der homerischen Epen.— Gymnasium, 1953, 60, S. 59 ff.

⁶⁹ Патриархальные черты в быту гомеровской знати, несомненно, связаны с весьма еще ограниченным распространением рабства. См. *Тюменев А. И.* Гомеровская Греция и разложение родового строя.— В кн.: История древнего мира/Под ред. Ковалева С. И. Т. II, ч. I. М., 1936, с. 124 сл. Ср. *Ленцман*. Рабство..., с. 262 слл.

⁷⁰ Ср. *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. L., 1933, p. 230 f.; *Will Ed.* Aux origines du régime foncier grec: Homère, Hésiode et l'arrière plan mycénien.— REA, 1957, 49, p. 48.

⁷¹ *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter.— Archeologia Homerica. B. II, K. H. Göttingen, 1968, S. 15 ff.

⁷² Ср. *Guiraud P.* La propriété foncière en Grèce. P., 1893, p. 46 sq.; *Glötz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P., 1904, p. 327 suiv.

и это едва ли случайно⁷³. В полном соответствии с таким положением вещей гомеровская система землевладения фактически базируется на, может быть, пока еще негласном, но в общем вполне очевидном признании принципа частной собственности⁷⁴. Земельные участки (клеры) прочно закреплены за отдельными семьями и, видимо, уже не подлежат никаким переделам. Право свободного распоряжения землей простирается вплоть до дробления при передаче по наследству и, вероятно, также отчуждения, хотя мы и не знаем, какими способами оно производилось. Как бы то ни было, иначе трудно было бы объяснить появление в эпическом обществе двух противоположных социальных категорий, представителей которых сам поэт называет «многонадельными» и «безнадельными мужами» (πολύκληροι и ἄκκληροι)⁷⁵. Основу ярко выраженного индивидуализма гомеровских героев следует, таким образом, искать не только в чисто эстетической плоскости, т. е. в жанровых особенностях самого героического эпоса, но и в плоскости вполне реальных социально-экономических отношений, характерных для периода становления эпической традиции.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что все эти частнособственнические и индивидуалистические тенденции развивались и вызревали в лоне традиционной, по всей видимости, унаследованной еще от микенской эпохи общинной организации. Являясь основной ячейкой непрерывно меняющегося общества, сама община, естественно, также не могла оставаться неизменной. Можно предполагать, хотя мы и не располагаем пока прямыми подтверждениями этой догадки, что она постепенно эволюционировала на протяжении всего периода «темных веков», меняя как свою внешнюю форму, так и внутреннюю структуру. Однако, несмотря на все происходившие с ней метаморфозы, община оставалась стабильным и в высшей степени жизнеспособным социальным организмом, о чем свидетельствует набор устойчивых наследственных признаков, присущий как гомеровской форме общины, так и последующим ее модификациям. Такими признаками могут считаться: 1) система гентильных или, может быть, квазигентильных союзов (фратрий и фил), образующая структурный «каркас» общины; 2) система внутреннего самоуправления, основным стержнем которой является народное собрание, охватывающее всех полноправных членов общины; 3) определенный минимум экономических и социальных прав, отличающий полноправного общинника от «чужака». Важнейшим из этих прав было, безусловно, право владения землей на территории общины. Осуществляя контроль над всеми земельными наделами на принадлежащей ей территории, сама община, по крайней мере «теоретически», продолжала считаться их верховным собственником, хотя на практике это, по-видимому, не препятствовало развитию внутри нее совсем иных форм собственности.

Все эти признаки гомеровской территориальной общины были в дальнейшем унаследованы пришедшим ей на смену рабовладельческим полисом. В этой связи нам хотелось бы еще раз подчеркнуть⁷⁶, что специфика античного, и в частности греческого, варианта политогенеза именно в том

⁷³ Bourriot F. Recherches sur le nature du Génos. T. 1. Lille — Paris, 1976, p. 255 suiv.; Андреев. Раннегреческий полис, с. 75 сл.

⁷⁴ Пельман Р. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, с. 12; Weiss E. Kollektiveigentum. — RE, XI, Sp. 1087; Finley M. I. Homer and Mycenae: Property and Tenure. — Historia, 1957, VI, p. 153; Richter. Die Landwirtschaft..., S. 13; Sarkady. Outlines..., p. 122 f.; ср. Свенцицкая И. С. Некоторые проблемы землевладения по «Илиаде» и «Одиссее». — ВДИ, 1976, № 1, с. 60.

⁷⁵ Пельман. Ук. соч., с. 21; Свенцицкая. Ук. соч., с. 55; Андреев Ю. В. К проблеме гомеровского землевладения. — В сб.: Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982, с. 16 сл.

⁷⁶ См. также Андреев Ю. В. Античный полис и восточные города-государства. — В сб.: Античный полис. Л., 1979, с. 20 сл.; он же. Начальные этапы становления греческого полиса. — В сб.: Город и государство в древних обществах. Л., 1982, с. 9 сл. Ср. Свенцицкая. Ук. соч., с. 60 сл.

и заключается, что здесь этот процесс вплоть до очень позднего времени протекал в тесных рамках обособленной самоуправляющейся общины, первоначально сельской, а в дальнейшем (начиная примерно с VIII—VII вв. до н. э.) городской ⁷⁷. Политическая консолидация племен и племенных союзов развивалась в Греции в силу целого ряда причин (отсутствие постоянной внешней угрозы, снижавшее «эффект трибализации», исключительно высокий уровень мобильности населения и т. п.) крайне замедленными темпами. Лишь в конце VI—V в. до н. э. здесь появляются некие подобию федеративных государств, созданных на племенной основе (Фессалийская лига, Беотийский союз), но и они в сущности представляли собой лишь более или менее стабилизированные конгломераты в общем вполне самостоятельно развивавшихся и потому постоянно тяготевших к политическому сепаратизму полисных общин. Мы не располагаем никакими данными, которые могли бы свидетельствовать о том, что племя (этнос) исторически предшествовало возникновению полиса как вполне устойчивая политическая общность или своего рода государство (*Stammstaat*), хотя некоторые западные авторы до сих пор еще придерживаются именно такого мнения ⁷⁸. На эпической сцене этнос представлен лишь как эфемерный военный союз нескольких или иногда многих общин, распадающийся сразу же после окончания похода или другой совместной военной акции (гипертрофированной формой такого союза может считаться ахейская коалиция, осаждавшая Трои). В остальном здесь безраздельно доминирует изолированная территориальная община, имеющая своим главным центром единичное поселение городского или скорее квазигородского типа — полис ⁷⁹.

Венгерский историк Я. Шаркади справедливо отмечает внутреннюю противоречивость и даже парадоксальность отраженной в поэмах Гомера исторической ситуации: «Общество, базирующееся на частной собственности и еще доклассовое, может показаться противоречивым феноменом. В каком-то роде это, конечно, — исключение, возникшее при особых обстоятельствах, переходная форма в длинном ряду, где частная собственность могла мирно сосуществовать с пережитками родовой системы и доминирующей ролью общины» ⁸⁰. Это «исключение из правила» имело, однако, далеко идущие последствия и в значительной мере предопределило все дальнейшее развитие греческого общества. Фактически, как считает тот же Шаркади, уже в гомеровское время в Греции сложилась специфическая античная форма собственности или, согласно известному определению Маркса, «совместная частная собственность активных граждан государства» ⁸¹. Тогда же во многом определилось и доминирующее направление в развитии античной государственности — в сторону все большего упрочения и дальнейшего совершенствования общинной организации ⁸².

⁷⁷ Впрочем, во многих районах греческого мира грань, разделяющая эти две формы общины, оставалась трудно различимой еще долгое время спустя после этой начальной стадии процесса урбанизации. См. *Kirsten E. Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes*. Bonn, 1956, S. 92 ff.; *Martin R. L'Urbanisme dans la Grèce antique*. P., 1974, p. 13; *Starr. The Economic and Social Growth...*, p. 31, 98; *Ковшелев Г. А. Полис и город: к постановке проблемы*. — ВДИ, 1980, № 1, с. 3 слл.

⁷⁸ *Gschntzer Fr. Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland*. — In: *Zur griechischen Staatskunde*. Darmstadt, 1969, S. 271 ff.; *idem Stadt und Stamm bei Homer*. — *Chiron*, 1971, 1, S. 16 ff. Cp. *Starr. The Origins...*, p. 126 f.; *Ehrenberg V. Der Staat der Griechen*. Stuttgart, 1965, S. 9; *Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment*. Berkeley — Los Angeles, 1981, p. 42 ff.

⁷⁹ *Андреев. Раннегреческий полис*, с. 55 сл.

⁸⁰ *Sarkady. Outlines...*, p. 122 f.

⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 3, с. 21.

⁸² Шаркади впадает в известное преувеличение, относя возникновение «установленной и законченной формы полиса» к IX—VIII вв. до н. э. (*Sarkady. Outlines...*, p. 123 f.). Еще более ранним временем — XI—X вв. до н. э. датирует это событие Г. Бокиш (*Voraussetzungen und Anfänge...*, S. 237 ff.). В действительности «темные

Одновременно формировался и соответствующий этому новому типу общества и государства тип культуры. Наиболее ранним и вместе с тем наиболее глубоким его воплощением с полным правом может быть назван все тот же гомеровский эпос. Пожалуй, никакой другой памятник греческой литературы не отразил так полно и разносторонне важнейшие особенности этнической психологии древних греков, их мировосприятия, их художественного видения, морали и религиозных верований (отсюда, вне всякого сомнения, идет непреходящая популярность Гомера на протяжении всей истории античного мира). Общегреческое признание гомеровских поэм, еще более раннее принятие всеми эллинами основных норм и догматов олимпийской религии, широкое распространение геометрической вазовой живописи — все эти факты свидетельствуют о том, что решающая фаза в процессе этногенеза и одновременно культурогенеза греческой народности была пройдена еще в IX—VIII вв. до н. э., т. е. при переходе от «темных веков» к эпохе архаики⁸³.

Таким образом, исходная «формула» греческой цивилизации (или то, что можно было бы назвать ее «генетическим кодом»), во многом определившая своеобразие ее исторического пути, была найдена еще до начала так называемой «архаической революции» или, может быть, в самом ее начале, если считать, что «революционная эра» включала в себя все VIII столетие, а не только вторую его половину⁸⁴. Только так, очевидно, можно объяснить ту огромную силу сопротивления, которую выказала молодая эллинская культура, вступив с началом Великой колонизации в непосредственное соприкосновение с гораздо более древними и развитыми культурами Передней Азии. Хотя и очень многим обязанный влиянию этих культур, она тем не менее не растворилась в них без остатка, сохранив свое собственное лицо, свою неповторимую оригинальность, сумев до конца развить те начала, которые были заложены в ней еще в дописьменную эпоху. В свою очередь это доказывает, что она была уже подготовлена к этой встрече, что столетия культурного регресса и изоляции не прошли для нее бесплодно и что, выдержав все испытания «темных веков», греческий народ, наконец, обрел некую приемлемую для него альтернативу безвозвратно исчезнувшей микенской цивилизации. Правда, на фоне блестящих культур бронзового века, а также современных ей цивилизаций Ближнего Востока новая эллинская цивилизация могла показаться довольно-таки отсталой и архаичной. Возможно, именно смутное сознание своей культурной «неполноценности» заставляло греков архаической эпохи смотреть на самих себя как на «больное позднее потомство» давно исчезнувшего поколения героев. В некоторых отношениях наследие послемикенского регресса не было изжито греческим обществом вплоть до эпохи эллинизма и римского завоевания. В сущности так и не была преодолена до конца унаследованная от «темных веков» политическая дезинтеграция. Оставляя в стороне такие ярко выраженные отклонения от нормы, как Афины и Спарта, нельзя не заметить, что типичный греческий полис архаического и классического периодов сильно уступал предшествующему ему дворцовому государству как территориально, так и

века» знали лишь некую зачаточную форму полиса, его архетип (протополис), который еще не был ни городом, ни государством (ввиду отсутствия классов) в собственном значении этих двух слов, хотя потенциально уже заключал в себе обе эти тенденции дальнейшего развития.

⁸³ Как показывает распространение геометрической керамики, уже к концу IX в. до н. э. основная часть островов и побережий Эгейского бассейна объединилась в один этнокультурный регион, четко отграниченный от всего окружающего мира и занимающий свое особое место как среди варварских культур европейского континента, так и среди цивилизаций Передней Азии. См. *Starr. The Origins...*, p. 107 ff. Cp. *Snodgrass. The Dark Age of Greece*, p. 402.

⁸⁴ Cp. *Ehrenberg V. Epochs of Greek History.* — *Greece and Rome*, 1960, VII, 2, p. 105 f.; *Starr. The Origins...*, p. 381; *idem. The Economic and Social Growth...*, p. 3 ff.; *Snodgrass. Archaic Greece*, p. 15 ff.

в численности населения⁸⁵. Намного проще была и его внутренняя структура. Община, конституированная как государство, обходилась без налогов и податей, без существующего специально для их выколачивания бюрократического аппарата, да и вообще не знала, что такое «публичная власть, отделенная от массы народа»⁸⁶. Не знала она и сложной иерархии сословий, отдаленно напоминающей позднейший феодализм и основанной на функциональной стратификации общества. Основную массу населения полиса составляли свободные крестьяне, защищенные от эксплуатации своим гражданским статусом, т. е. принадлежностью к общине (напомним, что в микенское время именно принадлежность к общине превращала человека в податную единицу, делая его объектом эксплуатации). С точки зрения полноты и завершенности процесса классового образования это была явная утрата накопленного количества, но при столь же очевидном выигрыше в качестве⁸⁷.

В отличие от микенской монархии, представлявшей собой своеобразный паразитический нарос на основном общинном субстрате раннегреческого общества, новый тип государства возник в результате ряда последовательных модификаций первобытной территориальной общины и, следовательно, был прямым порождением этого субстрата, можно сказать, «плотью от его плоти». По-видимому, этим и объясняется его исключительная жизнестойкость и вместе с тем способность к адаптации в постоянно меняющейся исторической обстановке. Небольшие полисные общины сравнительно легко передвигались с места на место и так же легко делились на самостоятельные сегменты, что было одной из важнейших предпосылок широкой территориальной экспансии греческой народности в эпоху Великой колонизации и еще позже в эпоху эллинизма. Еще более важное значение имела, однако, чрезвычайная внутренняя подвижность или, может быть, лучше было бы сказать, пластичность нормального полиса (в этом плане его структура выгодно отличается от жестких «кристаллических» структур дворцового государства эпохи бронзы)⁸⁸. Именно это его качество создавало оптимальные условия для развития частной инициативы в сфере экономики, так же как и для индивидуальных творческих поисков в сфере культуры.

Разумеется, для того чтобы эти здоровые начала, заложенные в самой природе полисной общины, не заглохли и смогли по-настоящему развиваться, необходимо было еще очень многое, в частности, благоприятная экономическая ситуация, сложившаяся в прибрежной зоне Эгейского бассейна в VIII—VI вв. до н. э., крушение господства аристократии, радикальная реформа военного дела (введение гоплитской фаланги), настойчивая преобразовательная деятельность нескольких поколений законодателей, заложивших основы демократической конституции полиса и т. д.

Не менее справедливо, однако, было бы и обратное утверждение: блестящие достижения архаической эпохи были бы невозможны без радикальной ломки микенского миропорядка и следующих за нею столетий

⁸⁵ Несколько десятков вполне самостоятельных полисов размещались, например, на территории одного только Крита, хотя в микенско-микенское время весь остров составлял единое государство с центром в Кноссе.

⁸⁶ В одной из своих недавних работ Е. М. Штаерман (К проблеме эволюции римского государства. — *Klio*, 1982, 64, 1) показывает на примере Римской республики, что полис может в течение весьма длительного времени оставаться в состоянии перехода со стадии территориальной общины на стадию «настоящего государства». Не следует ли отсюда, что это было вообще его нормальное состояние? Ср. Кошеленко Г. А. Древнегреческий полис. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 31 слл.

⁸⁷ Раньше чем где бы то ни было процесс классового образования завершился в тех районах Греции, где имело место завоевание и порабощение завоевателями местного населения (Спарта, Крит, Фессалия). Не случайно, однако, что именно эти «передовые» районы довольно быстро оказались на «точке замерзания» в своем экономическом и культурном развитии.

⁸⁸ Разумеется, эта подвижность имела свои пределы, выходя из которых она грозила нарушить естественный гомеостазис гражданской общины и привести ее к гибели.

культурного упадка и застоя. При всей их внешней непродуктивности эти столетия не могут быть изъяты из истории древней Греции как какое-то лишнее звено. В конечном счете гибель дворцовых государств и всей связанной с ними рафинированной элитарной культуры, так же как и последовавшая за этой катастрофой реставрация первобытнообщинного строя практически на всей территории Греции, оказались явлениями, исторически оправданными, ибо только ценой всех этих потерь греческое общество смогло обрести «свободу маневра», необходимую для поисков новых, более перспективных путей развития⁸⁹. В значительной мере открывшиеся при этом возможности были использованы уже в пределах периода «темных веков», особенно на завершающей его фазе. Судя по ряду признаков, в это время в Греции уже был заложен фундамент цивилизации нового типа, а дальнейшее развитие шло в основном по линии закрепления и совершенствования однажды приобретенных качеств. Таким образом, послемикенский регресс стал необходимым условием и залогом нового, еще более стремительного движения вперед.

⁸⁹ О роли такого рода периодов «социологического вакуума» в истории человечества см. Гуревич А. Я. Об исторической закономерности.— В сб.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 68. Ср. Starr. *The Origins...*, p. 73 f.

THE QUESTION OF POST-MYCENAEAN REGRESSION

Yu. V. Andreyev

It becomes more and more obvious that in its origins Greek civilisation was attended by catastrophic upheavals and profound formational shiftings, now towards progress, now towards regress. After the downfall of the Mycenaean palace civilisation in the 12th and 11th centuries B. C. Greek society was thrown back to the primitive-social stage, more and more losing touch with the most important cultural achievements of the Bronze Age. However, the new type of Greek pre-class society, the so-called Dark Ages, was not a simple reversion to the past. It was, on the whole, a repetition of past experience on a qualitatively higher level of social development. Apparently at the beginning of the I millennium B. C. important changes took place in the over-all balance of the forces which had been leading Greek society along the path from barbarism to civilisation. Significant economic and social factors came into play, the clearest example being the introduction of the iron industry. Another probable change is that which resulted in an internal re-structuring of the Greek agricultural community, which had been gradually evolving in the Mycenaean socio-economic system from a more archaic clan form to the village or neighbourhood community. All this made impossible a regeneration of the Mycenaean socio-economic system and its corresponding forms of culture, with the end result that Greek society took a quite different path of development.